

НОВАТОРСТВО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА Л. ПЕТРАЖИЦКОГО И ЕГО УЧЕНИКОВ

Ю. СТАНЕК*

Станек Юлия, доктор права,
Краковская Академия
им. Анджея Фрыча
Моджевского (Польша)

В настоящее время одной из наиболее динамично развивающихся в науке права тенденций являются эмпирические исследования в праве (англ. *empirical legal studies*). В западной литературе в области теории и философии права принято считать, что предвестниками таких исследований были американские и скандинавские правовые реалисты. Идеи российских ученых в этом контексте практически не упоминаются. Однако мы полагаем, что именно в работах российских философов и теоретиков права уже в начале XX в. развивается эмпирический подход к праву. Главная цель этой статьи — представление разработанных в России концепций, которые непосредственно относятся к эмпирическим исследованиям в праве и которые имеют несомненно новаторский характер. Для этой цели мы представим исследования Льва Петражицкого и некоторых его последователей, в том числе Георгия Гурвича, Николая Тимашева и Максима Лазерсона. Указанные авторы

постулировали неизбежность полной смены подхода к методологии в праве, исходным пунктом которой являлось предположение о том, что необходимо, учитывая развитие науки, стремиться к единству между юридическими и научными знаниями. Их основные методологические постулаты базировались на принятии методологического плюрализма. Кроме того, что не менее существенно, указанные авторы отдавали предпочтение эмпирическим исследованиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовой эмпиризм, методологические постулаты, Л. И. Петражицкий, методологический плюрализм, правовая действительность, непосредственный юридический опыт, интроспекция, эксперимент.

STANEK J. AN INNOVATIVE METHODOLOGICAL APPROACH IN L. PETRAŻYCKI'S AND HIS STUDENTS' WORKS

Currently, empirical legal studies constitute one of the most dynamically developing trends in the law science. In the Western literature in the field of theory and philosophy of law, it was assumed that American and Scandinavian legal realists were the precursors of application of the empirical research in law. Ideas of Russian scientists in this context are scarcely mentioned. However, we believe that the empirical approach to law was developing at the beginning of the 20th century in the works of the Russian philosophers

* Julia Stanek — Doctor of Law, Andrzej Frycz Modrzewski Krakow University (Poland).
E-mail: jhowczak@gmail.com

© Станек Ю., 2017
УДК 34.01

and theorists of law, rather than anywhere else. The main purpose of this article is to present the concepts developed in Russia which directly relate to the empirical research in law and have an undoubtedly innovative character. For this purpose, we will present the research of Leon Petrażycki and some of his followers, including George Gurvitch, Nicholas Timasheff and Maxim Laserson. The mentioned authors postulate that a complete modification of the approach to the methodology of law is necessary. Its starting point is the assumption that taking into account development of science, it is essential to aim at unification between the legal and scientific knowledge. Their main methodological postulates were based on acceptance of the methodological pluralism. Moreover, not less important is that these authors preferred empirical researches.

KEYWORDS: legal empiricism, methodological postulates, L. I. Petrażycki, methodological pluralism, legal reality, direct legal experience, introspection, experiment.

В последние два десятилетия наблюдаются значительный рост интереса к эмпирическим исследованиям и расширение их использования в праве. Появилось даже мнение, что мы живем в эпоху нового правового эмпиризма (англ. *new legal empiricism*) и нового правового реализма (англ. *new legal realism*)¹. Одним из чрезвычайно динамично развивающихся направлений этого рода исследований права являются так называемые эмпирические исследования в праве (*empirical legal studies, ELS*), которые в кратчайшее время стали особо популярной областью развития права. Подтверждает это не только успех журнала «*The Journal of Empirical Legal Studies*», который в течение нескольких лет достиг уровня наиболее часто цитируемых журналов в области права и социологических наук, но и увеличение количества организаций, таких как *Society for Empirical Legal Studies*, и многих других научных инициатив. В литературе в качестве предвестников применения эмпирических исследований в праве упоминаются американские и скандинавские правовые реалисты². В то же время идеи российских ученых в этом направлении остаются практически неизвестны. В этой статье нам бы хотелось не только восполнить этот пробел, но и показать, что в работах российских философов и теоретиков права уже в начале XX в. разрабатывался эмпирический подход к праву. С этой целью представим исследования Льва Петражицкого и некоторых его последователей, которых мы относим к российским правовым реалистам³.

Л. Петражицкий и его ученики⁴ исходили из предположения, что с развитием науки необходимо также учитывать ее достижения в праве, так

¹ Miles T., Sunstein C. R. The New Legal Realism // University of Chicago Law Review. 2008. Vol. 75. P. 831–851; Suchman M., Mertz E. Toward a New Legal Empiricism: Empirical Legal Studies and New Legal Realism // Annual Review of Law and Social Science. 2010. N 6. P. 555–579.

² Tracey G. An Empirical Study of Empirical Legal Scholarship: The Top Law Schools // Indiana Law Journal. 2006. Vol. 81, iss. 1, article 8. P. 144.

³ Мы полагаем, что это утверждение может быть подвергнуто критике. Тем не менее фактом остается то, что идеи Петражицкого и его последователей, указанных в этом тексте, формировались под влиянием российской научной среды, а их научная карьера началась в России.

⁴ К ним мы относим П. Сорокина, Г. Гурвича, Н. Тимашева, М. Лазерсона, А. Круглевского, Г. Гинса, М. Рейснера.

как со временем между юридическими и научными знаниями возникают противоречия. В качестве одной из главных причин этого диссонанса Петражицкий и его последователи указывали отсутствие разработки соответствующего научного метода в праве. Результаты предыдущих трудов в области разработки методологии права оказались разочаровывающими. Ученик Петражицкого Максим Лазерсон указывает на три основные причины фиаско в разработке правового метода.

Во-первых, исследованием права в большинстве случаев занимаются практики, которые доминируют в разработке направления научно-исследовательских работ. В результате дальнейшие исследования в области права чаще всего сосредоточены вокруг интерпретации правовых норм и способов применения законов. Как отмечает Лазерсон, эта проблема останется актуальной «до тех пор, покуда профессиональная юриспруденция будет ограничивать свой кругозор действующим правом и совершенно отбрасывать всякое углубление в теорию права»⁵. Другими словами, рассмотрение юридических вопросов с точки зрения профессионально-практических потребностей юристов препятствует развитию правового метода. Между тем Петражицкий не маргинализировал опыт и мнения практиков. Он подчеркивал, что они чрезвычайно ценны для исследования права, однако их необходимо задействовать в области исследования практических юридических наук, поскольку для «эмпирической и индуктивной проверки выводов» необходимо «собрать внесудебные материалы и наблюдения»⁶. Кроме того, «Петражицкий признавал, что важно развивать и разрабатывать методы анализа статистических данных в праве. Он отметил, что мнения практиков права... существенны... однако получение реальных данных и их анализ позволит сделать действительно научные выводы о правовых явлениях»⁷.

Во-вторых, «в общественной жизни понятие права воспринимается не с точки зрения причинной, а с точки зрения того, “что полагается”, с нормативной точки зрения»⁸. В итоге исследования права сводятся к анализу действующих правовых норм, а предметом исследования становится не правовая действительность, а совокупность законов и судебных решений.

В-третьих, работы ведутся с точки зрения ранее принятых, укоренившихся представлений о рассматриваемом явлении. Результатом таких изучений выступают сведения, которые представляют сущность правовых явлений в обособлении от их реальных причин. Ввиду этого Лазерсон утверждает: для того чтобы «прийти к правильному познанию явления... его следует взять как нечто подлежащее исследованию, именно в таком виде, как оно высказывается или переживается людьми данной страны или эпохи»⁹. В этом контексте Петражицкий подчеркивал, что разработка на-

⁵ Лазерсон М. Общая теория права, введение в изучение права. Рига, 1930. С. 19.

⁶ Петражицкий Л. О науке, праве и нравственности: избр. соч. Варшава, 1985. С. 351.

⁷ Станек Ю. Российский правовой реализм. Варшава, 2017. С. 107.

⁸ Лазерсон М. Общая теория права... С. 21.

⁹ Там же. С. 14.

учной методологии в праве должна основываться на познании конкретных правовых, т. е. психических, явлений¹⁰. Его ученики предлагали более широкую перспективу, учитывающую не только психологический, но и социологический характер правовых явлений.

Методологические постулаты. Основные методологические постулаты Петражицкого и его последователей были основаны на двух фундаментальных предпосылках.

1. *Методологический плюрализм.* Петражицкий и его ученики считали, что необходимо широко использовать достижения психологии, социологии, антропологии, экономики, биологии и многих других областей науки, принимая во внимание их методы исследования.

Несмотря на некоторые расхождения в подходе к правовой методологии среди последователей Петражицкого, использование психологии в исследовании права оставалось ключевым и новаторским для его школы. Исходной точкой было то, что правовую действительность следует изучать, сводя правовые явления к психологическим. Этот метод Лазерсон определил как психологический позитивизм, а основывается он на утверждении: «Если же долженствование переживается в психике человека... то надо углубиться в психологию, чтобы открыть, каково то переживание, которое мы называем переживанием правового долженствования, т. е. надо признать, что право раскрываемо в терминах причинности, что оно далее сводимо к психологической основе, а не представляет собою неразложимую категорию долженствования»¹¹. Одним словом, юридическое познание в этом подходе сводится к психологической основе.

Психологический позитивизм, ликвидируя нормативные и оценочные суждения, в то же время позволяет исследовать «то, что остается единственной данностью, общим знаменателем всяких проявлений права», т. е. психику человека¹². В итоге, по мнению Лазерсона, психологический позитивизм является методом определения границы между нормативностью и действительностью¹³.

Очевидно, что указанный метод порождает определенные трудности, на которые обращали внимание последователи идеи Петражицкого. Так, «Михаил Рейснер, признавая, что теория Петражицкого гениальна, одновременно указывает, что основана она на устаревшей психологии. Рейснер подчеркивает, что психология сравнительно недавно стала настоящей наукой, не только основанной на философии и метафизике, но и наукой, в которой широко применяется экспериментальный метод. В результате... все ранее возникшие теории, независимо от того, насколько они блестящие, на самом деле следует рассматривать как основанные на “психологической интуиции”, а не на достоверных сведениях. Таким образом, основной проблемой психологического позитивизма является сложность в определении

¹⁰ *Петражицкий Л.* О науке, праве и нравственности... С. 173–174.

¹¹ *Лазерсон М.* Общая теория права... С. 63.

¹² Там же. С. 64.

¹³ Там же. С. 63.

психологических данных и в целом психологического подхода, который следует применить в случае права»¹⁴.

«Вне зависимости от приписывания фундаментального значения в исследовании права его психологическим аспектам, представители школы Петражицкого практически единогласно высказывались в пользу принятия методологического плюрализма. Они решительно отвергали монистический подход, который, по их мнению, не учитывает сложной природы права. Что интересно, некоторые представители школы отмечают, что даже если мы примем психологический позитивизм как единственный правильный для права метод, то опять же такой подход следует считать ошибочным... поскольку в таком случае возникнет новая психологическая модель учения о сущности права, которая не будет учитывать многих важных аспектов права, таких как социологический, практический или догматический»¹⁵.

2. Эмпирические исследования. Второй базовый методологический постулат Петражицкого и его последователей можно сформулировать следующим образом: для познания сущности права, способа его функционирования и влияния на общество необходимо проведение эмпирических исследований. «Право представляет собой одну из разновидностей явлений действительности»¹⁶, поэтому в первую очередь необходимо определить, чем является правовая действительность. Несомненно, это трудный вопрос, и в науке права существует немало способов его решения. Однако наиболее полный анализ этой проблемы среди последователей Петражицкого был проведен Георгием Гурвичем.

Правовая действительность. «По мнению Гурвича, ни одна из возникших до сих пор теорий правовой действительности (например, правовая действительность как феномен субъективного сознания, как внешний социальный фактор, как приказ государства) не в состоянии объяснить, чем на самом деле она является, а значит, также не в состоянии определить методы ее исследования»¹⁷. Главная проблема заключается в том, что невозможно свести правовую действительность «к действительности совершенно иного порядка: нормативного, понятийного, психологического, социологического, нравственного»¹⁸. Гурвич признает, что «мы не в состоянии воссоздать сферу действительности в целом, в том числе и правовую, наряду со всей ее спецификой. Единственное, что мы можем сделать, — это запечатлеть ее в каком-то опыте. Следовательно, Гурвич приходит к выводу, что только конкретный юридический опыт дает нам возможность познания правовой действительности. По его мнению, юриспруденция, социология, теория и философия права должны основываться именно на юридическом опыте»¹⁹.

«Концепция юридического опыта в теории Гурвича представляет собой социально-психологическую основу любых знаний о праве и любой

¹⁴ Станек Ю. Российский правовой реализм. С. 106–107.

¹⁵ Там же. С. 107.

¹⁶ Петражицкий Л. О науке, праве и нравственности... С. 170.

¹⁷ Станек Ю. Российский правовой реализм. С. 98.

¹⁸ Гурвич Г. Философия и социология права: избр. соч. СПб., 2004. С. 217.

¹⁹ Станек Ю. Российский правовой реализм. С. 98.

деятельности в области права. При этом... юридический опыт Гурвич понимает в очень широком смысле, который сводится не только к практике использования права юристами. Эта концепция понимается как “интуитивное коллективное распознавание правовых ценностей” и практические знания о социологической действительности права»²⁰.

Действительность, воспринимаемая через призму юридического опыта, лежит между миром чувственно воспринимаемых фактов и идеальным миром²¹. Отправной точкой в случае юридического опыта являются нормативные факты. «Юридический опыт — это связующее звено, что-то промежуточное между моральным познанием и познанием воздействия логических идей»²².

«Построение концепции юридического опыта должно начинаться с анализа самого понятия “опыт”, под которым скрывается множество смыслов. Чаще всего под ним подразумевается знание, полученное в результате наблюдения. Анализируя существующие подходы к вопросу опыта (т. е. эмпирический, критический и рациональный подходы), Гурвич признает, что каждый из них в каком-то смысле неуместен. Это объясняется тем, что они стремятся к выделению двух видов опыта: рационального и спонтанного. Рациональный опыт — это конструкция здравого смысла, ограниченная определенным воплощением действительности. Это ограничение оправдано необходимостью сформулировать однородную исследовательскую задачу в научных исследованиях. Следовательно, такого рода “рациональный опыт” часто изолирован от окружающей действительности. Такой вид опыта Гурвич отождествляет с своего рода “искусственным опытом”. Спонтанный опыт, который сторонники эмпиризма считают основой знаний, можно назвать интуицией. С этой точки зрения первичные факты — это предметы нашего восприятия, мы переживаем их “непосредственно и спонтанно”. В результате, эмпирики стремятся привести каждый факт или явление к эмпирическим данным (спонтанного опыта), а сторонники рационализма, наоборот, — к рациональному опыту.

Гурвич предлагает отказаться от вышеуказанных направлений и построить конструкцию юридического опыта на идее так называемого интегрального опыта. Для того чтобы конкретизировать эту идею, философ рассматривает несколько концепций, в частности идеи мистического и радикального опыта Уильяма Джеймса, метафизического опыта Анри Бергсона, нравственного опыта Фредерика Рай, а также феноменологического опыта Эдмунда Гуссерля и Макса Шелера. После анализа приведенных выше концепций Гурвич приходит к интересным выводам. Интегральный опыт, воспринимаемый как вид интуиции, — это как духовное, так и чувственное познание. При этом духовный опыт невозможно свести к чему-то одному, потому что существует множество его разновидностей (нравственные ценности, логические идеи, эмоциональный опыт). Кроме того, каждый из видов духовного опыта представляет собой совокупность

²⁰ Там же. С. 99.

²¹ Гурвич Г. Философия и социология права. С. 221.

²² Станек Ю. Российский правовой реализм. С. 99.

различных видов интегрального опыта, которые представляют собой лишь частицу духовности. Следовательно, познание “всей” духовности возможно только путем совместных научных исследований поколений, разных народов и социальных групп. По мнению Гурвича, объективность данных, которые мы получаем из каждого из видов духовного опыта, указывает на то, что все аспекты духовности объединяются в единую систему. Более того, эта система отличается от других систем, в результате целостную систему нравственных ценностей невозможно свести к системе логических понятий»²³.

По мнению Гурвича, «все виды духовности воспринимаются через непосредственный интегральный опыт посредством их воплощения в чувственные данные»²⁴.

Для актуализации данных, полученных с помощью непосредственного интегрального опыта, необходимо воспользоваться редукцией и инверсией. «В интегральном непосредственном опыте не должны учитываться так называемые научные познания и переживания повседневной жизни, которые являются всего лишь разновидностью потенциального и скрытого опыта, который может объяснить только философия. Непосредственный интегральный опыт нельзя отождествлять с познанием, ибо познание — это уже “обработанные данные”, “искусственно” созданные разумом, это не информация, которая воспринимается непосредственно чувствами. Говоря кратко: непосредственный интегральный опыт — это только один из этапов познания... Непосредственный интегральный опыт может быть коллективным и индивидуальным. Коллективный опыт имеет... решающее значение в контексте нравственного опыта. Однако, ссылаясь на юридический опыт, Гурвич утверждает, что он также имеет коллективный характер, поскольку правовая действительность по своей сущности является коллективной. В случае морали и религии, которые также регулируют социальную жизнь, все выглядит иначе. Нормы индивидуальны и основанные на внутренних мотивах, и только в процессе их реализации мы призываем к их “общности”... для своего воздействия они не нуждаются во внешних санкциях. А закон, имеющий императивно-атрибутивный характер, основывается на коллективном признании, кроме того, его реализация зависит (в разной степени) от функционирования определенных правовых организаций»²⁵.

Гурвич определяет юридический опыт следующим образом: «Юридический опыт является одним из видов непосредственного коллективного опыта — особой формы интегрального опыта, в рамках которого воспринимается как духовное, так и чувственное и который противопоставляет себя всяческому конструктивному и рассудочному опыту, и особенно научному опыту»²⁶.

²³ Там же. С. 100.

²⁴ Гурвич Г. Философия и социология права. С. 250.

²⁵ Станек Ю. Российский правовой реализм. С. 101.

²⁶ Гурвич Г. Философия и социология права. С. 261.

«Детальный анализ аспектов юридического опыта Гурвич начинает с утверждения, что нравственный опыт имеет автономный характер. В пределах этого опыта, индивидуального и коллективного, принимаются различные моральные ценности (например, ценности, связанные с окружающими, социальной группой, семьей и т. д.). Очевидно, что невозможно свести индивидуальные ценности к коллективным, потому что нравственные ценности строго индивидуальны, а часто даже абсолютно уникальны. Вместе с тем, по мнению Гурвича, именно осознание разницы между индивидуальными нравственными ценностями и эквивалентными ценностями становится основой нравственного опыта»²⁷. Гурвич полагает, что в случае юридического опыта конфликт между отдельными элементами этого опыта больше и затрагивает основы этого опыта. Важной особенностью непосредственного юридического опыта является то, что он «спрятан» между духовным и чувственным опытом, которые равнозначны с точки зрения юридического опыта.

Гурвич утверждает, что «характерное для юридического опыта взаимопроникновение друг в друга морального и логического опыта (опыта логических идей), с одной стороны, духовного и чувственного опыта — с другой, конкретизируется в том, что этот опыт заключается в специфических актах интуитивного признания»²⁸. Следовательно, юридический опыт формируется как совокупность коллективных актов признания нормативных фактов. Гурвич, в отличие от Петражицкого, утверждает, что импульсивные и репульсивные эмоции не являются первоначальными элементами юридического опыта. Он считает, что эти эмоции вызывают акты признания, которые выражаются в виде удовлетворения или разочарования²⁹. «Акты признания пассивно-активные и генерируют интуиции, которые не имеют эмоционального характера. В свою очередь, интуиции имеют специфическую природу. Их можно понимать как своего рода соединение интеллектуальной и нравственной интуиции. В процессе их создания, по мнению Гурвича, как производные создаются именно эмоции. Чтобы приблизить понятие актов интуитивного признания, Гурвич приводит в пример аудиторию, которая слушает исполнение известной симфонии: не каждый присутствующий в зале будет в состоянии оценить эстетическую ценность исполняемого произведения, но каждый будет считать, что не следует мешать исполнению, т. е. будет понимать правовое значение требования вести себя тихо и не мешать. В результате любое нарушение будет связано с возникновением недовольства со стороны слушателей, т. е. с возникновением отталкивающих эмоций по отношению к человеку, вызывающему эти нарушения (нарушающему указанное требование).

Гурвич приходит к выводу, что в случае актов интуитивного признания нравственная интуиция, необходимая для определения нравственных ценностей, вместе с интеллектуальной интуицией взаимодействуют и проникают в рамках правовой интуиции. В итоге это приводит к тому,

²⁷ Станек Ю. Российский правовой реализм. С. 102.

²⁸ Гурвич Г. Философия и социология права. С. 264.

²⁹ Там же.

что нравственное познание... — уникальное, неповторимое и индивидуальное — стабилизируется в рамках юридического опыта»³⁰.

По мнению Гурвича, «процесс редукции и инверсии повседневного опыта приводит к “кристаллизации” непосредственного юридического опыта. Проявления правовой действительности в виде “чистых” актов интуитивного признания — это смысл непосредственного юридического опыта. Понятие “чистые” используется в том смысле, что акты признания, как правило, “прикрыты” разного рода концепциями, находятся под импульсивными и репульсивными эмоциями. Что важно, по мнению Гурвича, процесс редукции и инверсии не заканчивается на определении этих актов интуитивного признания, а продолжается, ибо сами акты имеют тоже определенные “уровни”»³¹. Он различает следующие уровни:

- уровень неизменных правил — формальное или организованное право, т. е. группа правил, которые устанавливаются данной социальной группой либо связаны с ее конструкцией; эти правила принимаются как неизменные и значимые;
- уровень переменных (гибких) правил — живое право в двух формах: интуитивного и неорганизованного права, которые, в отличие от организованного права, возникают спонтанно;
- базовый, глубокий уровень, на котором находятся нормативные факты.

Акты интуитивного признания направлены в первую очередь на формальное право, хотя их содержание — это нормы живого права, интуитивного и неорганизованного. Нормативные факты по своей сущности неорганизованные, спонтанные, непосредственные и реальные. Гурвич подчеркивает, что ни одна правовая норма, независимо от того, какого она типа, не является самодостаточной. Норма лишь указывает на то, что «более объективное, более реальное и непосредственное», она отсылает «к основанию своей обязывающей силы — к основополагающему неорганизованному “нормативному факту” как прямому воплощению ценности в чувственно воспринимаемом социальном факте»³².

«К теоретикам права, которые были ближе всего к концепции непосредственного юридического опыта, Гурвич относит Петражицкого. По мнению Петражицкого, юридический опыт — это особый вид эмоциональной жизни, который одновременно и активный, и пассивный. Это аналог духовного опыта, который мы воспринимаем выше нормативных эмоций, т. е. моральных и правовых эмоций. [Гурвич] утверждает, что в теории Петражицкого разница между правовым и моральным опытом заключается в том, что в случае первого эмоции всегда имеют императивно-атрибутивный характер, а моральные — только императивный. Следовательно, в соответствии с Петражицким... можно определить критерий, который [даст возможность] разграничения права и морали. Этим

³⁰ Станек Ю. Российский правовой реализм. С. 103.

³¹ Там же. С. 103–104.

³² Гурвич Г. Философия и социология права. С. 268.

критерием является само описание непосредственного опыта, которое мы можем квалифицировать как правовую эмоцию либо как нравственную. В теории Петражицкого юридический опыт рассматривается как индивидуальный опыт. По мнению Гурвича, такой подход противоречит самой структуре права, которое мы воспринимаем только как коллективное. Кроме того, данные юридического опыта Петражицкий не считает объективными.

По мнению Гурвича, основной ошибкой Петражицкого было предположить, что юридический опыт может быть только индивидуальным и субъективным... Важно то, что юридический опыт является коллективным. При этом коллективный характер [опыта] не приводит к тому, что все элементы этого опыта имеют только коллективный характер»³³.

Интроспекция. Для Петражицкого и его последователей одним из основных методов исследования правовых явлений была интроспекция (самонаблюдение). Она считалась способом наблюдения за правовыми явлениями, без которого их познание просто невозможно³⁴, поскольку «правовые явления происходят и за ними можно наблюдать... в нас самих, в нашем сознании»³⁵. Николай Тимашев, анализируя то, какой «материал» необходимо исследовать и какие методы необходимо применить, а также создавая «теорию права как актуального и социологического явления»³⁶, предлагает сперва обратиться к данным, собранным с помощью самоанализа. Заключается он в детальном анализе состояния сознания, вызванного правовыми явлениями. «Примером может быть исследование изменений, происходящих в собственном сознании во время поведения, совместимого (или нет) с правовыми нормами, или анализ собственной реакции на поведение других лиц. В этом контексте Тимашев ссылается на мнение Гурвича о необходимости исследования конкретной правовой действительности и данных, поставляемых непосредственным юридическим опытом. Этот опыт... скрыт за разного рода размышлениями и теоретическими понятиями, которые не позволяют в полной мере использовать данные, получаемые с помощью непосредственного юридического опыта. Метод, предложенный Гурвичем, Тимашев сравнивает с методом, используемым Фрейдом при исследовании подсознательных психических процессов»³⁷.

Однако самоанализ — не единственный фундаментальный метод исследования правовых явлений. Как утверждает Петражицкий, «необходимым условием познания чужих психических переживаний является интроспекция, связанная со знанием внешних проявлений этих переживаний»³⁸. Также Георгий Гинс отмечает, что «психология человека теснейшим образом связана с физиологией центральной нервной системы. Но поведение и характер человека преобразуются под влиянием

³³ Станек Ю. Российский правовой реализм. С. 105.

³⁴ Петражицкий Л. О науке, праве и нравственности... С. 178–180.

³⁵ Там же. С. 178–179.

³⁶ Тимашев Н. Что такое социология права? // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 109.

³⁷ Станек Ю. Российский правовой реализм. С. 108.

³⁸ Петражицкий Л. О науке, праве и нравственности... С. 181.

идей и стремлений, лишенных признаков механического воздействия. Эта сторона не поддается лабораторному исследованию. Здесь применен только соединенный метод внутреннего и внешнего наблюдения»³⁹.

Наблюдение. Внешнее наблюдение — метод, который позволяет исследователю правовых явлений выйти за пределы собственной психики. Изучение наблюдаемых внешних признаков внутренних переживаний необходимо для познания правовых явлений. С помощью органов чувств мы «собираем» материал для дальнейших исследований. Тимашев указывает, что методом внешнего наблюдения мы способны изучить поведение человека, которое либо заложено правом, либо каким-то иным образом с ним связано. Таким образом, становится возможным исследование влияния права на общество в целом, а также эволюции права под влиянием других явлений⁴⁰.

«Лазерсон также отмечает, что, изучая право, мы не можем ограничивать себя только самоанализом, исследованиями психических переживаний отдельных людей. Он указывает, что необходимо учитывать социологический аспект в исследовании права, приняв за опорный пункт психологическую сущность права»⁴¹. По мнению Лазерсона, в исследовании правовых явлений следует учесть то, какие «изменения вызывает социальная среда»⁴² в праве.

«Саму методику наблюдения Петражицкий рассматривает как вспомогательную. И даже больше, Петражицкий имел ряд притязаний к способу ее применения в психологии. Прежде всего, он оспаривает обоснованность применения аналогии в случае рассуждений о внутренних переживаниях других на основе наших собственных внутренних переживаний, наших внешних движений и чужих внешних движений»⁴³. Петражицкий считает, что, «изучая внешние признаки психических переживаний определенной категории, мы можем на их основе сформулировать закономерность, охватывающую людей определенного класса (например, нации, расы), людей в целом или даже людей и животных»⁴⁴. Следовательно, «мы будем в состоянии определить существование некоторых общих групп явлений. Собрание таких знаний позволит нам отказаться от аналогии (сравнения наших и чужих реакций), используя дедукцию. Это означает, что каждый конкретный случай, психическое явление мы можем связать с определенной общей группой явлений. В результате собрание соответствующего количества общих научных утверждений о внешних проявлениях

³⁹ Гинс Г. Очерки социальной психологии: введение в изучение права и нравственности. Харбин, 1936. С. 28.

⁴⁰ Тимашев был сторонником того, что основой социологического контроля, в частности контроля, осуществляемого с помощью права, являются условные рефлексы. Он утверждает, что в первую очередь необходимо изучить безусловные рефлексы, которые формируют основу условных рефлексов. Этим методом можно узнать роли так называемых условных рефлексов в подчинении законам. Еще одним важным вопросом, согласно Тимашеву, является проблема рефлекса свободы и подчинения.

⁴¹ Станек Ю. Российский правовой реализм. С. 109.

⁴² Лазерсон М. Общая теория права... С. 281.

⁴³ Станек Ю. Российский правовой реализм. С. 110.

⁴⁴ Петражицкий Л. О науке, праве и нравственности... С. 181.

внутренних переживаний позволит построить научную теорию, которая базируется на достоверных научных данных. По мнению Петражицкого, изменение подходов в проведении исследований методом наблюдения приведет к получению по-настоящему полезной и ценной информации для развития как психологии, так и других общественных наук. Несмотря на вышеуказанное, метод наблюдения — это незаменимое и ценное дополнение к самоанализу»⁴⁵.

Эксперимент. «Вышеуказанные виды внутреннего и внешнего наблюдения могут быть... двух типов: ...обычные или... экспериментальные. Экспериментальный метод объединяет наблюдение с своего рода сознательным воздействием на исследуемые явления. Поэтому мы можем различать интроспективные и наблюдательные экспериментальные методы. Экспериментальный метод позволяет исследовать способ воздействия правовых явлений, интенсивность их переживания и мотивационной силы.

Для исследования правовых явлений предлагается использование операции, которая называется методом противодействия. Заключается она в том, что мы усиливаем ощущение правовых явлений путем действия, несовместимого с удовлетворением наших эмоций. Другими словами, мы действуем вопреки распоряжениям, вытекающим из эмоций. Этот метод может выступать в отрицательном и положительном видах. В отрицательном виде мы переживаем последствия поведения вопреки установленным правилам (например, эмоции, связанные с борьбой с сонливостью). В положительном виде мы ведем себя иначе, чем обычно — например, мы пользуемся вещами, которые вызывают у нас репульсивные эмоции. Что интересно, этот метод имеет определенные ограничения, заключающиеся в том, что некоторые эмоции невозможно вызвать экспериментально, они не воспринимаются как реальные, а в результате не вызывают настоящих эмоций. В таких ситуациях мы можем воспользоваться помощью жизненных условий или участия других людей в экспериментах.

Еще один предлагаемый метод — это так называемое раздражение. Заключается он... в том, что мы выбираем препятствие, которое теоретически можно преодолеть. После первой неудачи эмоции интенсифицируются, и каждая очередная попытка создает еще большее эмоциональное напряжение... В области права эта техника имеет особое значение, потому что многие правовые эмоции скрыты и только их соответствующие раздражение дает в целом возможность их наблюдать»⁴⁶.

Как утверждает Петражицкий, «методы противодействия и раздражения, будучи микроскопом в области эмоциональной психики, позволяют нам не только обнаружить прежде незнакомые эмоции и лучше узнавать уже известные, но и [от]личать их от других психических явлений и избежать нежелательных ошибок»⁴⁷.

Примечательно, что методы противодействия и раздражения были предназначены не только для исследования эмоций, но и для анализа эмо-

⁴⁵ Станек Ю. Российский правовой реализм. С. 110.

⁴⁶ Там же. С. 110–111.

⁴⁷ Петражицкий Л. О науке, праве и нравственности... С. 208.

циональных мотиваций. Познание мотиваций, в свою очередь, позволит определить их виды и принципы, которые ими управляют. Следующий шаг — изучить природу исследуемых мотиваций и эмоций с помощью методов дедукции и индукции.

По мнению Петражицкого, «процесс психологического исследования эмоций должен происходить следующим образом. Во-первых, с помощью метода противодействия и раздражения мы знакомимся с разного рода эмоциями. Во-вторых, мы исследуем действия этих эмоций с помощью дедуктивно-индуктивного метода. В-третьих, определяем особенности эмоций и то, как они действуют. В этом процессе очень важную роль играет знание факторов, которые формируют данную эмоцию. Их называют движущей силой»⁴⁸.

«Тимашев также предлагает интроспективные эксперименты с использованием методов противодействия и раздражения. Он считает, что импульсы становятся «сильнее» в том случае, когда меняется их обычный ход. При быстрой смене ситуации происходит значительное увеличение импульса, который в обычном порядке практически незаметен. В результате мы будем в состоянии описать такие эмоции с довольно высокой точностью. Тимашев утверждает, что эксперименты можно проводить в форме тестирования. В этом контексте он ссылается на исследования, проводимые Ж. Пиаже и И. Карузо, которые с помощью различных тестов испытали эмоции, возникающие у детей в связи с применением наказания. Из их исследований вытекало, что мораль имеет более сильную мощность удерживания от некоторых видов деятельности, чем право»⁴⁹.

В заключение следует обратиться к выводам Петражицкого, который утверждал, что поскольку мы понимаем право как реальное явление, выступающее психическим процессом, то «нет и быть не может других методов его исследования, кроме интроспективного — основного и необходимого для познания природы правовых явлений, а также метода внутреннего и внешнего наблюдения как вспомогательного средства выхода за пределы собственной правовой психики исследователя»⁵⁰. Применяя эти методы исследования, мы получим фактический материал, который «может и должен быть основой научной теории права... этим материалом являются: 1) наши собственные внутренние переживания, 2) наши и чужие движения и положения тела»⁵¹.

Приведенные выше постулаты Л. Петражицкого и последователей его идеи приобретают особое значение в свете нынешних тенденций в праве. Мы можем с уверенностью утверждать, что методологический подход, предложенный Петражицким и разработанный его учениками, значительно опередил преобладавшие в их время парадигмы изучения права и был несомненно новаторским⁵².

⁴⁸ Станек Ю. Российский правовой реализм. С. 112.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Петражицкий Л. О науке, праве и нравственности... С. 183.

⁵¹ Там же.

⁵² См. об этом: Иванников И. Л. Петражицкий о роли психики в становлении права // Журнал российского права. 2011. № 8. С. 83.

Литература

- Гинс Г. Очерки социальной психологии: введение в изучение права и нравственности. Харбин: Русско-маньчжурская книготорговля, 1936. 263 с.
- Гурвич Г. Философия и социология права: избр. соч. СПб.: Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 848 с.
- Иванников И. Л. Петражицкий о роли психики в становлении права // Журнал российского права. 2011. № 8. С. 73–83.
- Лазерсон М. Общая теория права, введение в изучение права. Рига: Жизнь и культура, 1930. 377 с.
- Петражицкий Л. О науке, праве и нравственности: избр. соч. Варшава: Государственное научное издательство, 1985. 595 с.
- Тимашев Н. Что такое социология права? // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 107–112.
- Станек Ю. Российский правовой реализм. Варшава: Волтерс Клувер, 2017. 231 с.
- Miles T., Sunstein C. R. The New Legal Realism // *University of Chicago Law Review*. 2008. Vol. 75. P. 831–851.
- Suchman M., Mertz E. Toward a New Legal Empiricism: Empirical Legal Studies and New Legal Realism // *Annual Review of Law and Social Science*. 2010. N 6. P. 555–579.
- Tracey G. An Empirical Study of Empirical Legal Scholarship: The Top Law Schools // *Indiana Law Journal*. 2006. Vol. 81, iss. 1, article 8. P. 141–161.

References

- Ivannikov I. L. Petrazhitsky o roli psikhiki v stanovlenii prava [Petražycki on the role of the psyche in the formation of law]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2011, no. 8, pp. 73–83. (In Russian)
- Guins G. *Oчерki sotsial' noi psikhologii: vvedenie v izuchenie prava i nrvstvvennosti [Essays on Social Psychology. An Introduction to the Study of Law and Morality]*. Harbin, Russian-Manchu bookselling Publ., 1936. 263 p. (In Russian)
- Gurvich G. *Filosofii i sotsiologii prava: izbr. soch. [Philosophy and Sociology of Law]*. St. Petersburg, Publishing house of the Faculty of Law of St. Petersburg state university, 2004. 848 p. (In Russian)
- Laserson M. *Obshchaia teoriia prava, vvedenie v izuchenie prava [General Theory of Law. Introduction to the Study of Law]*. Riga, Life and Culture Publ., 1930. 377 p. (In Russian)
- Miles T., Sunstein C. R. The New Legal Realism. *University of Chicago Law Review*. 2008, vol. 75, pp. 831–851.
- Petrażycki L. *O nauke, prave i nrvstvvennosti: izbr. soch. [On science, law and morality. Selected works]*. Warsaw, State Scientific Publishing House, 1985. 595 p. (In Russian)
- Stanek J. *Rossiiskii pravovoi realizm [Russian legal realism]*. Warsaw, Wolters Kluwer Publ., 2017. 231 p. (In Russian)
- Suchman M., Mertz E. Toward a New Legal Empiricism: Empirical Legal Studies and New Legal Realism. *Annual Review of Law and Social Science*. 2010, no. 6, pp. 555–579.
- Timasheff N. Chto takoe sotsiologii prava? [What is “Sociology of Law”?]. *Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological studies]*, 2004, no. 4, pp. 107–112. (In Russian)
- Tracey G. An Empirical Study of Empirical Legal Scholarship: The Top Law Schools. *Indiana Law Journal*. 2006, vol. 81, iss. 1, article 8, pp. 141–161.